

Не буду собирать много доказательств, поскольку статья эта пишется не для решения вопроса, а для его постановки. Напомню только, что по окончании «Войны и мира» Толстой стал увлекаться древнерусской литературой. «Читает четьи-минеи, житие святых и говорит, что это наша русская настоящая поэзия», — записала С. А. Толстая 27 марта 1871 г.¹³ а в записной книжке Толстого 2 февраля 1870 г. появляется короткая, но многозначительная запись: «Взятие Корсуни Владимира эпопея».¹⁴ Это те самые страницы Несторовой летописи, о которых вспомнил Грибоедов, стоя на холме под Херсоном.

В записной книжке 1871 г. Толстой записал рядом (чтоб не забыть купить): «Геродот французский. Летописи». И тут же — «Соловьёва продолжение».¹⁵ Это не случайное соседство: Толстой читает «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьёва и страстно спорит с ним. Правительство, по словам С. М. Соловьёва, было безобразно: «Но как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство? Уж это одно доказывает, что не правительство производило историю».¹⁶ И далее следуют замечательные, грозные, обращенные к исторической науке вопросы: «Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал тарчи, сукна, платья, камки, в которых шеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня?» Вывод всей этой длинной записи заключается в том, что нужна не история-наука, а история-искусство: «История-искусство, как и всякое искусство, идет невширь, а вглубь, и предмет ее может быть описание жизни всей Европы и описание месяца жизни одного мужа в XVI веке».

На этом фоне становится ясной принципиальная основа «Войны и мира» как эпопеи и тем самым ее глубочайшее родство с народным эпосом и с древнерусской литературой, в частности с летописью Нестора.¹⁷ Вступление к третьему тому («С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил западной Европы» и т. д.) представляет собою поразительное сочетание стиля научного историко-философского трактата со стилем древнего сказания или летописи, вплоть до таких изречений, как: «Сердце царево в руде божьей», или таких вопросов, как: «Когда созрело яблоко и падает — отчего оно падает?»

В итоге оказывается, что «Войне и миру» (особенно второй ее половине, в центре которой — Бородинское сражение) присущи те самые черты мышления, стиля и композиции, которые обнаружены в «Повести временных лет»: построение вещи не на обычной для романа сюжетной основе, а на временном («погодном») движении событий, общая фрагментарность повествования с частыми отступлениями философского характера, изображение войны как «страшной необходимости», отрицание причинно-следственных связей («событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться», как сказано в начале третьего тома) и рядом с этим утверждение нравственной свободы и ответственности человека (ср. в книге И. П. Еремина, стр. 45). Таковы самые общие черты

¹³ Дневники С. А. Толстой. М., 1928, стр. 34.

¹⁴ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 48, М., 1952, стр. 344.

¹⁵ Там же, стр. 166.

¹⁶ Там же, стр. 124.

¹⁷ Стоит вспомнить, что для Даниила ловчего в «Войне и мире» Толстой взял бычину о богатыре Киевского цикла Даниле Ловчанине, а в «Азбуке» напечатал 16 отрывков из Несторовой летописи.